

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга продолжает серию коллективных монографий «Проблемы функциональной грамматики», задуманную Александром Владимировичем Бондарко и долгие годы осуществлявшуюся под его руководством. Тема настоящего тома «Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий» была предложена им и разрабатывалась по его плану и замыслу. Он успел написать введение и обсудить план нескольких разделов с авторами — сотрудниками Отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, однако большая часть книги была написана уже после его кончины в 2016 году. Следуя традиции, мы пригласили к участию заинтересованных коллег из других отечественных и зарубежных научных коллективов. Мы старались учесть, какие аспекты обсуждаемой проблематики пока не получили достаточного освещения в трудах Петербургской Школы функциональной грамматики.

Как нам представляется, основные положения теории функциональной грамматики позволяют интегрировать в круг наших работ исследования, которые не обязательно используют терминологический аппарат Школы, но следуют основным принципам описания, принятым в ней. К ним мы относим, в частности, опору на живой языковой материал, т. е. анализ литературных или записанных в полевых условиях языковых (а не искусственно сконструированных) примеров. В последние десятилетия функциональный анализ тесно связан с опорой на корпусные данные — главным образом на материалы НКРЯ. Интерес к корпусным разработкам нашел отражение и в разделах коллективной монографии: хотя количественная лингвистика не является нашим приоритетным направлением, мы старались там, где это было возможно и естественно, привести количественные обоснования выдвинутых гипотез.

Существенным элементом нашего теоретического направления является вектор описания «от семантики к средствам ее выражения». Иными словами, основным предметом исследования являются

семантические разновидности (варианты и инварианты) языковых конструкций и семантика грамматических категорий. Это не исключает и элементов традиционного описания «от средств выражения к семантике», что в целом предполагает реализацию «челночного» принципа лингвистического анализа: от определенной формы — к набору ее функций и от отдельной функции — ко всему разнообразию форм ее выражения.

Внимание к тому, как в семантике грамматических категорий и в грамматических характеристиках высказывания представлена личность говорящего, в целом характерно для функционального направления. А. В. Бондарко связывал эту область грамматических исследований с работами Р. О. Якобсона, в первую очередь — с его определением категорий-шифтеров [1972], опирающимся на термин, введенный О. Есперсеном [Бондарко 2017: 185–186]. Уже в ранних работах, посвященных разграничению смысла и значения в грамматике, А. В. Бондарко подробно обсуждает различие между денотативно-отражательным аспектом содержания грамматических категорий и их языковым содержанием, обращая внимание на универсальный характер первого понятия и специфичность второго [1978: 72–94; см. также 2002]. Это же разграничение последовательно проводилось им при делении морфологических категорий на отражательные и интерпретационные [1976; 2005; 2011]. Отношение к говорящему играет существенную роль в понятии интенциональности / неинтенциональности, которое А. В. Бондарко определяет как актуальное выражение некоторого смысла в речи [2017: 24–25].

Интенциональность — связь с намерениями говорящего — не рассматривается как постоянный компонент семантики грамматической категории. Она проявляется в речи и обусловлена необходимостью актуального подчеркивания говорящим того или иного семантического аспекта высказывания: «Один из вариантов проявления интенциональности в сфере грамматических значений — смысловая актуализация темпоральной семантики в высказываниях, включающих соотношения временных форм; например: *Я его уважал, уважаю и буду уважать*. Интенциональность языковых (в частности, грамматических) значений проявляется не только в “живом акте речи”, когда налицо и намерения говорящего, и процесс их реализации, но и в тех условиях, когда перед нами “готовый текст” и намерения автора фигурируют как то, что было задумано при создании данного текста»

[Там же: 24]. В статье, вышедшей за несколько лет до начала работы над томом, А. В. Бондарко указывает на то, что отношение к говорящему предстает в языковой структуре в двух разновидностях. С одной стороны, оно может непосредственно отражаться в семантике грамматических категорий (как в случае с шифтерами и другими дейктическими элементами), с другой — имплицитно присутствовать в конкретной речевой ситуации [2010: 65]. Эти аспекты семантики языковых единиц — речевые реализации отношения говорящего в семантике различных грамматических категорий, их дискурсивные и текстовые функции — и стали объектом внимания авторов монографии.

Главы монографии предваряет вступительная статья А. В. Бондарко, посвященная элементам интенциональности в сфере грамматической семантики. В ней даны основные понятия, существенные для раскрытия этой темы, а также обсуждается вопрос о том, как интенциональность проявляется в функционировании русской видо-временной системы. Поскольку это понятие оказывается наиболее востребованным при описании глагольной системы, первая глава книги посвящена анализу грамматической и лексической семантики глагола.

Глава открывается разделом А. В. Циммерлинга об автореферентности и классах предикативных слов. Речь идет о склонности отдельных конструкций с предикативами к употреблению с семантическим субъектом 1-го или 2-го лица. Большинство русских несогласуемых именных предикативов, субъект которых оформляется дат. п., ориентировано на семантическую сферу 1-го лица. В то же время имеются предикативы с дативным субъектом, ориентированные на 2-е и 3-е лицо: *так и надо, полно, пусто, неладно*, а также *полезно, вредно, свойственно, несвойственно*. Предикативы с семантическим субъектом в форме им. п. (*не в своей тарелке, не в духе, навеселе*) отражают ситуацию, в которой состояние X-а фиксируется другим лицом — Y-м (говорящим или субъектом нарратива).

Раздел А. Мустайоки посвящен безличным конструкциям, которые указывают на воздействие стихии (типа *Крышу снесло ветром*). Автор описывает основные семантические признаки так называемых «стихийных конструкций» и условия, благодаря которым говорящий выбирает их, предпочитая активной конструкции или страдательным оборотам.

В разделе М. А. Овсянниковой анализируется употребление русских возвратных глаголов мышления (*забыться, придуматься, вспомниться, выясниться, осознаться, узнать* и под.), при которых подлежащее соответствует ментальному объекту. В центре внимания находятся временные отношения, которые описываются в контекстах с данными возвратными глаголами чаще, чем в контекстах с соотносительными невозвратными глаголами. Выделяется три группы глаголов и связанные с ними типы временных отношений, ориентированные на футуральное, презентное или претеритальное употребление. Во всех случаях использование возвратного глагола позволяет говорящему вывести на первый план ситуацию, составляющую ментальный объект, и соотносить ее с планом повествования.

Раздел М. Д. Воейковой посвящен выбору вида глагола в сослагательном наклонении. Взаимодействие категорий вида и наклонения является одной из активно разрабатываемых тем как в русле теории функциональной грамматики, так и в других направлениях грамматических исследований. Однако этот вид межкатегориального взаимодействия до сих пор интенсивно исследовался применительно к императиву, в то время как сослагательное наклонение оставалось за рамками теоретического описания. Семантические функции сослагательного наклонения — 1) контрфактивное значение, 2) советы или пожелания, а также 3) желательное значение — рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с категорией лица глагола. Анализируются различные факторы, влияющие на выбор вида глагола говорящим в независимых предикациях.

А. Ю. Урманчиева описывает особенности употребления **плюсquamперфектов** с аористом и имперфектом вспомогательного глагола в Галицкой, Волынской и Суздальской летописях. Влияние фактора говорящего на семантику и употребление данных форм исследуется автором с точки зрения скорости исторического изменения разных фрагментов грамматической системы. Выделяются участки грамматической системы, где можно ожидать наибольшую скорость ее перестройки и наиболее значительную семантическую вариативность (в частности, прагматизацию). Последняя отчетливо демонстрируется путем сравнения анализируемых грамматических форм с более «устойчивыми». Отмеченные изменения позволяют интерпретировать говорящего не только как участника акта коммуникации,

но и как конкретный и отчасти обладающий историческим своеобразием источник воздействия на языковую систему.

Раздел И. В. Недалкова посвящен эвенкийским глагольным формам, выражающим значения потенциальности. Эта работа представляет собой типологический «фон» для разделов, написанных на материале русского языка, и иллюстрирует языковую специфику средств выражения модальной семантики. Автор характеризует основные прагматические и семантические особенности высказываний, передающих в эвенкийском языке модальные значения возможности и необходимости. Анализируемые значения могут быть выражены как личными, так и безличными глагольными формами. Такие высказывания рассматриваются в связи с определенными коммуникативными намерениями говорящего либо дополнительными прагматическими функциями произнесенного или написанного высказывания. Анализ эвенкийских конструкций проводится в сопоставлении с данными других тунгусо-маньчжурских языков.

Вторая глава монографии посвящена исследованию модусных элементов семантики высказывания. Она открывается разделом Т. Е. Янко о коммуникативной структуре высказывания как отражении точки зрения говорящего. Предлагается подход к коммуникативной структуре как к средству выражения иллокутивной цели говорящего. Так, формируя рему, говорящий сообщает; формируя вопросительный компонент вопроса, — спрашивает; используя многообразные языковые средства выражения иллокутивных целей, — обращается с просьбой, советует, возражает, мечтает или сожалеет о несбыточном. Обсуждаются языковые стратегии формирования иллокутивной цели и коммуникативной структуры различных речевых актов. Средствами выражения анализируемых стратегий служат просодия, порядок слов и принципы выбора словоформ — носителей просодических пиков предложения.

В разделе, написанном И. М. Кобозевой, рассматривается особая разновидность иллокутивной цели — переспрос. Переспрос трактуется как субкатегория вопросительности, структура которой задается в виде набора формальных и функциональных признаков с соответствующими значениями. Данные признаки выявляются методом концептуального анализа контекстов употребления глагола *переспросить*, не имеющего однословного переводного эквивалента в английском и ряде других языков. Особое внимание уделено контекстам

из параллельного англо-русского подкорпуса НКРЯ, в которых русские переводчики используют упомянутый лингвоспецифичный глагол при переводе английских глаголов с более широким значением — ‘спрашивать’ или ‘говорить’. На базе выявленных признаков уточняется толкование обыденного понятия *переспрос* и предлагается определение лингвистического термина *переспрос* в узком и широком смыслах. Представленный опыт типологии переспросов включает их прототипические и непрототипические разновидности.

В разделе В. В. Казаковской и Н. К. Онипенко предлагается **трехаспектный** подход к анализу вводно-модальных слов, интерпретируемых в связи с понятиями эксплицитного модуса и субъектной перспективы текста на фоне других способов выражения точки зрения говорящего. Обсуждается проблема генезиса вводных слов, понимаемого как одно из направлений формирования эгоцентрических элементов русского языка. Выводы основываются на разнородном языковом материале — художественном нарративе (НКРЯ), спонтанном диалоге «взрослый — ребенок», письменной речи школьников и их анкетировании. Результаты свидетельствуют о раннем онтогенезе эпистемической семантики и системно-языковой прототипичности вводно-модальных слов как экспликаторов точки зрения говорящего. Так, первыми эпистемическими маркерами, зафиксированными в устной речи русскоязычных детей, оказались вводно-модальные синтаксемы с семантикой неуверенности, употребленные в первичной функции. Письменные нарративы школьников демонстрируют расширение функций вводно-модальных слов и элементы усложнения субъектной перспективы текста. Текстовый анализ художественного нарратива показывает их роль в структуре образа автора.

Глава завершается разделом М. Я. Дымарского о семантико-грамматических компонентах высказывания в их отношении к фигуре говорящего. В нем рассматриваются отношения между компонентами глубинной семантики бессоюзных сложных предложений со значением обусловленности. Среди этих компонентов имеются не только семантические, но и прагматические пресуппозиции, различным образом взаимодействующие друг с другом в зависимости от наличия / отсутствия средств актуализации синтаксического отношения между частями — в данном случае частиц. Уточнены понятия синтаксического отношения, прагматики говорящего и прагматики слушающего, семантических и прагматических пресуппозиций. Особое внимание

уделено бессоюзным конструкциям, лишенным средств актуализации синтаксического отношения.

В третьей главе коллективной монографии обсуждаются элементы квалитативной семантики высказывания, отражающие состояние и качественную характеристику субъекта. В разделах этой главы значительное внимание уделяется не только грамматическим компонентам, но и проблеме лексического выбора.

Грамматические особенности слов категории состояния оказались в фокусе исследования И. П. Матхановой, посвященного формам их сравнительной степени. В нем обосновывается отнесенность компаратива к категориям с переменной актуализационной значимостью, выполняющим функцию добавочной ориентации и тем самым участвующим в выражении позиции говорящего. Компаратив слов категории состояния трактуется как двучленная категория: сопоставляются две статальные ситуации, в структуру которых включаются носители состояния и субъекты восприятия. При анализе функционирования компаратива слов категории состояния в высказываниях с семантикой психического и физического состояния лица, а также состояния природы и окружающей среды демонстрируется взаимодействие этой категории с другими актуализационными категориями, а также с эксплицитным / имплицитным выражением исходной ситуации.

В разделе Е. Р. Добрушиной представлены результаты корпусного анализа кратких форм прилагательных цвета с точки зрения семантики, синтаксиса и стилистики. Полученные количественные данные, показывающие соотношение полных и кратких форм цветowych прилагательных, интерпретируются в связи с проблемой выбора между ними как по отношению к отдельным прилагательным, так и по отношению к различным значениям. Автор сопоставляет частотное соотношение кратких и полных форм цветowych прилагательных с подобным соотношением в других классах прилагательных, что позволяет описать стилистические условия их использования. Показано, что употребление кратких форм связано с приобретением дополнительных смысловых оттенков, не сводимых к обозначению цвета (например, при описании цвета как признака определенного внутреннего — обычно временного — состояния объекта). Особую роль данные формы играют в поэтических текстах, в которых они используются в прямом значении для создания живописного и эмоционально нагруженного зрительного образа.

Заключительный раздел главы, подготовленный Е. Ю. Протасовой, выходит за рамки грамматических исследований. В нем рассматриваются проблемы лексического выбора у художников. Автор анализирует специальный корпус устной речи, в котором собраны рассказы художников о своих и чужих произведениях. Отмечаются нетривиальные особенности профессиональной речи, такие как затруднения в поиске слов у многих рассказчиков, редкое (по сравнению с ожидаемым) использование цветowych терминов и семантические сдвиги в повествовании о композиции и динамике картины. Хотя неизбежные при таком подходе социологические наблюдения находятся за пределами «строгого» лингвистического анализа, они открывают широкую перспективу изучения того, чем обусловлен лексический и тематический выбор в профессиональной речи.

Мы надеемся, что книга будет интересна широкому кругу лингвистов. Как и предшествующие тома серии «Проблемы функциональной грамматики», она содержит ряд глав, посвященных грамматическому описанию русского языка в синхронии и диахронии, а также затрагивает типологические и онтогенетические аспекты обсуждаемой проблематики. Как и в ранее опубликованных томах, в ней отражается сотрудничество Отдела теории грамматики ИЛИ РАН с активно работающими российскими и зарубежными университетами — Московским государственным университетом, Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена, Новосибирским государственным педагогическим университетом, университетом Хельсинки. В коллективном труде приняли участие ученые, представляющие ведущие академические институты страны — Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Институт языкознания РАН.

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность всем коллегам и сотрудникам Отдела теории грамматики ИЛИ РАН, участвовавшим в подготовке коллективной монографии к печати, и внешним рецензентам — Т. И. Стексовой (Новосибирск) и И. Н. Смирнову (Ольденбург).